УДК 33.012.23

**ПРИОРИТЕТЫ В ДОСТИЖЕНИИ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В
СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: СИМБИОЗ ОБРАЗОВАНИЯ И БИЗНЕСА**

О.В. Чередниченко

Чередниченко Олег Валерьевич,кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической
теории, ФГБОУ ВО РЭУ им. Г.В. Плеханова, Россия, Москва.

РИНЦ SPIN – код: 6501-2200

E-mail: Cherednichenko.OV@rea.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, с которыми столкнулась российская экономика на фоне кризиса 2020 года, вызванного распространением вируса по всему миру, включая Россию. В то же время на фоне падения объемов выпуска большинства отраслей, ряд организаций, адаптировавшихся «под» новые форматы ведения бизнеса, вышли на растущий тренд, став, тем самым, тем демпфером, который позволил избежать кардинального падения выпуска в масштабах всей российской экономики. Полученный опыт должен выступить в качестве триггера экономического роста, проявление которого можно ожидать, начиная с 2021 года. Однако использование новых форматов ведения бизнеса критически недостаточно: необходимо добиться синергетического эффекта между бизнесом и системой подготовки кадров для него путем выстраивания укрупненных экосистем, который позволил бы сформировать полный цикл функционирования «экономики нового образца». Цель исследования – выявить текущие проблемы функционирования экономики и определить ее ключевые «точки роста». Основные задачи исследования – определить ключевые направления развития российской экономики в новых условиях и сформулировать дополнительные условия, необходимые для ее эффективного функционирования. В заключении работы автор привел предложения по необходимости построения «экономики полного цикла», включающей в себя изменение форматов (не системы) образования, новые основы которого были заложены в период острой фазы ограничительных мер на фоне сдерживания распространения пандемии.

Ключевые слова: экосистема, инновационные отрасли, удаленная работа, рынок труда, «кэптивный» Университет, экономический рост.

**PRIORITIES FOR THE ACHIEVEMENT OF ECONOMIC GROWTH
IN MODERN CONDITIONS**

O.V. Cherednichenko

Oleg V. Cherednichenko,

Candidate of economic Sciences, associate Professor of economic theory

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation.
E-mail: Cherednichenko.OV@rea.ru

Abstract. *An article examines the problems, that the Russian economy faced amid the crisis Y2020, caused Covid-2019 spread through the world, including Russia. At the same time, against the backdrop of a drop in output in most industries, some organizations that have adapted to the new formats of doing business have entered a growing trend, thereby becoming the damper that avoided a dramatic drop in output across the entire Russian economy. The experience gained should act as a trigger for economic growth, the manifestation of which can be expected starting from 2021. However, the use of new formats of doing business is critically insufficient: it is necessary to achieve a synergistic effect between the business and the personnel training system for it by building enlarged ecosystems, which would make it possible to form a full cycle of functioning of the "new model economy". The purpose of the study is to identify the current problems of the economy and determine its key "points of growth". The main objectives of the study are to determine the key directions for the development of the Russian economy in the new conditions and formulate additional conditions necessary for its effective functioning. In the "Conclusion" of the work, the author made suggestions on the need to build a "full cycle economy", which includes changing the formats (not the system) of education, the new foundations of which were laid during the acute phase of restrictive measures against the background of containing the spread of the pandemic.*

Keywords: *ecosystem, innovative industries, remote work, labor market, "captive" University, economic growth.*

Введение

Современный этап экономического развития России в период с 2014 года и до сегодняшнего дня сопровождается последовательностью факторов, оказывающих существенное давление на возможности экономического роста. Начало этой «цепочки» было заложено посредством запуска (и последующей «адаптации под требуемые условия) череды антироссийских санкций со стороны заокеанских, западных и иных «партнеров». Дальнейший и, что важно, двойной «удар» экономике России был нанесен ввиду распространения по всему миру и, соответственно, внутри страны нового вируса. Двойственность удара возникла изначально ввиду обрушения сырьевого (а точнее, нефтяного рынка, сгенерировавшего затем проблемы и в газовой отрасли), а затем – на фоне повсеместного сворачивания значительного количества бизнес-направлений из-за введения ограничительных мер антивирусного характера. Указанные причины, в свою очередь, спровоцировали необходимость проведения усиленной государственной поддержки как бизнеса, так и населения, что, в свою очередь, явилось причиной усиленного давления на бюджет РФ. В сложившихся условиях критически необходим оперативный поиск точек роста и, более того, нахождение тех инструментов, которые позволят сформировать усиленный экономический рост в условиях той новой реальности, с которой и мир, и Россия столкнулись на рубеже сегодняшнего дня. Иначе говоря, текущая экономическая ситуация, сложившаяся в России, требует кардинального, можно сказать, «взрывного» роста [1]. Однако эффективность этого роста не может быть достигнута без создания соответствующей экосистемы, начальной (или «скелетной» частью) которого является система образования. На взгляд автора под понятием «экосистемы» применительно к бизнесу можно рассматривать опциональный набор производственных или сервисных возможностей, созданных вокруг одной Компании/Группы Компаний/отрасли и т.д. Реализация комплекса

мероприятий в направлении вышеуказанных преобразований, в значительной степени, решит одну из ключевых проблем российской экономики – необходимость усиления производительности труда - сократив отставание в этой части от ведущих мировых экономик. Более того, еще до наступления кризисных событий сегодняшнего дня, основные направления преобразований как в части роста эффективности производства, так и в части изменений в образовательных процессах было заложено в Национальных проектах «Производительность труда и поддержка занятости» и «Образование».

Методы и материалы

Для понимания текущей ситуации, в которую сегодня попала российская экономика, следует рассмотреть ее состояние в хронологической ретроспективе, причем для анализа давления текущего кризиса период рассмотрения может быть относительно «коротким» - 2019 – 2020 годы. Итак, рассмотрим динамику изменения валового внутреннего продукта в 1 квартале 2020 года относительно аналогичного периода прошлого года [10], (табл.1).

Таблица 1

Валовый внутренний продукт 1-го квартала 2020/2019гг.

	<i>1 квартал 2020 г.</i>	<i>В % к I кварталу 2019 г.</i>	<i>Справочно I квартал 2019 г. в % к I кварталу 2018 г.</i>
Валовый внутренний продукт, млрд. руб.	25317,7	101,6	100,4
Инвестиции в основной капитал, млрд.руб.	2889,3	101,2	100,9

Из приведенной таблицы следует, что в ходе первого квартала, когда ограничительные «антипандемийные» меры еще не оказали существенного влияния на экономику России, объем валового внутреннего продукта 1го квартала 2020 года показал незначительный прирост. Расширив анализ текущей ситуации за пределы вышеприведенной таблицы путем рассмотрения сформированного Росстатом отчета «Социально-экономическое положение России» (за период январь-июнь 2020 года), можно увидеть, что в тот период ключевая для России отрасль «Добыча полезных ископаемых» претерпела существенное давление, сократив свою долю в структуре ВВП страны с 13,4% до 11,6%. Но в таком «сжимании» нет ничего удивительного: в дополнение к обрушению мировых цен на «черное золото» Россия, следуя достигнутым договоренностям в рамках сделки ОПЕК+, сократила свою добычу на 2,5 млн. баррелей в сутки, «взяв» на себя максимальную долю сокращения среди всех стран-участников соглашения. Та же участь постигла и «Обрабатывающую отрасль», но в существенно меньшей доле (минус 0,1%). Логичным продолжением возникшей тенденции явилось еще более существенное усугубление показателей во втором квартале: индекс физического объема валового внутреннего продукта, согласно предварительной оценке Росстата составил 91,5%. Триггерами падения выступили: промышленный сектор (минус 8,5%), продолжила свое падение отрасль добычи полезных ископаемых (минус 10,3%), розничный товарооборот (минус 16,6%), пассажирооборот (минус 79,0%), сфера общественного питания, сократившись – на 48,9% и объем платных

услуг населению (минус 37,2%). Но появились и те отрасли, позитивная динамика в которых сработала в качестве сглаживания в падении российской экономики. Так, во II квартале 2020 года рост производства в сельском хозяйстве составил 3,1%. Определенную помощь для развития промпроизводства может оказать реализация инфраструктурных государственных инициатив: развитие дорожной инфраструктуры (включая строительство мостов), военные кораблестроительные программы и т.д. А это, в свою очередь, мультипликативное расширение спроса на металл, продукцию химической промышленности, позитивное воздействие на занятость и т.д. Но, учитывая, сложное положение и неопределенность сегодняшнего дня, эффект от этих проектов может быть достигнут не ранее 2021 – 2022 гг.

В этой связи стоит обратить внимание на инновационные отрасли/компании. По нашему мнению к ним можно отнести тех представителей бизнес-сообщества, динамика прироста показателей которых основана на разработке и применении новейших технологий. Указанный сегмент может выступить генератором роста сегодня, а не в обозримой перспективе. В дополнение к инновационным отраслям катализаторами роста могут выступить и те игроки, которые адаптировали или перестроили свою деятельность «под» обновленные потребности «новой рыночной реальности»[5].

Обсуждение

Говоря о новых форматах роста, нельзя не обратиться к работе Клауса Шваба «Четвертая промышленная революция», написанной задолго до сегодняшних событий и в которой автор утверждает: «Мы являемся свидетелями кардинальных изменений по всем отраслям, которые отмечены рождением новых бизнес-моделей, деструктивным воздействием на утвердившиеся традиционные компании, а также коренным преобразованием систем производства, потребления, транспортировки и поставки. Что касается социальной сферы, то смена парадигм происходит в том, как мы работаем и общаемся, самовыражаемся, получаем информацию и развлекаемся. Аналогичная трансформация происходит на уровне правительств и государственных учреждений, а также, наряду с прочими системами, в образовании, здравоохранении и транспорте. Кроме этого новые пути использования технологий для изменения нашего поведения, а также существующих систем производства и потребления открывают возможности для восстановления и сохранения окружающей среды, а не для создания скрытых затрат - экстерналий в форме внешних издержек»¹. Использованная цитата, фактически, отражает ту социально-экономическую картину, которая возникла в России сегодня и пандемия, ударившая по экономике, явилась тем ускорителем (или катализатором) преобразований, внедрение которых является неизбежностью, однако их скорость распространения в России была кардинально увеличена на фоне потребовавшихся в ходе сдерживания вируса преобразований [14].

Приведенная выше статистика макроэкономических показателей 2020 года формально отражает отрасли-лидеры и отрасли-аутсайдеры как в части роста, так и в части сжатия экономики, но не отражает те векторы и направления деятельности (или необходимости корректировки ее форматов), которые стали, либо станут основными драйверами экономики в самой ближайшей перспективе.

Рассмотрим подробнее лидирующие направления. К ним можно отнести следующие группы:

1. группа отраслей, напрямую или косвенно связанных с ростом потребностей медицинского (или «околомедицинского») характера;

¹ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М: Изд. «Эксмо», 2016

2. отрасли, нашедшие возможность сопровождения повседневной жизни населения в новых форматах изменившегося характера потребностей;

3. группы IT Компаний, которые взяли на себя функционал по удаленному сопровождению деятельности значительной части бизнес-процессов;

4. отрасли (либо конкретные Компании), изыскавшие возможность стать выгодоприобретателями режима «закрытых границ».

Рассмотрим конкретный (хоть и весьма «узкий», но показательный в динамике своего развития) пример сегодняшнего дня, демонстрирующий как пандемия всколыхнула спрос на альтернативные средства передвижения на электрическом ходу: стремясь избежать общественного транспорта, люди все более широко используют электросамокаты, гироскутеры, моноколеса, электровелосипеды и прочие так называемые средства индивидуальной мобильности (СИМ) на электромоторах. Например, в группе «М.Видео–Эльдорадо», только в июне текущего года прирост продаж электрических СИМ составил 25% и 70% в деньгах, по сравнению с июнем прошлого года. Спрос на электросамокаты этим летом вырос в два раза по сравнению с прошлогодними показателями [7]. Более того, приведенная выше тенденция является общемировым трендом, который показывает динамичный рост, всплеск которого, также пришелся на кризисный 2020 год [15], (Рис. 1).

Рис. 1. Величина спроса на электросамокаты

Следует также обратить внимание на еще один интересный факт: приведенная выше «взрывная» статистика спроса на СИМ была порождена не только стремлением значительного количества граждан получить индивидуальные средства передвижения за небольшие деньги – росту спроса на них способствовал и повышенный спрос со стороны корпоративных покупателей: так, курьеры при доставке товаров все больше пользуются электросамокатами. А наиболее перспективное направление сегодня – использование самокатов и других СИМ в услугах проката. По прогнозам McKinsey к 2030 году объем шеринга в сфере так называемой микромобильности достигнет 0,5 триллионов долларов, из которых 0,2-0,3 триллионов будет приходиться на США, 0,1 – 0,15 – на Европу и 0,05 – на Китай [7]. Налицо – цепочка скачкообразного развития отраслей (в данном примере

прослеживается связь «производство – ритейл – услуги») на фоне кризиса специфичной природы. Подобных примеров можно привести очень много, но объединяет их одно – адаптация формы деятельности «под» структурные изменения в экономике.

Полученный в ходе периода функционирования экономики в дистанционном режиме опыт показал «рисковые» стороны off-line и подтолкнул значительное количество Компаний к наращиванию on-line составляющей в той ее части, которая позволит оптимизировать соответствующие процессы и, как следствие, повысить эффективность и доходность функционирования компаний. Очевидно, что такой формат работы будет применим и после перехода экономики к обычному режиму работы[13].

Изменение форматов работы экономических субъектов логичным образом изменяет подходы к формированию рынка труда. Более того, законодательное закрепление в правовом поле возможности работы Сотрудников Компаний в удаленном режиме в будущем было инициировано Премьер-министром Михаилом Мишустиним в ходе выступления в Госдуме с отчетом о работе Кабмина 22.07.2020 года. Следует сказать, что основы дистанционной работы начали зарождаться еще в конце 90-х годов прошлого столетия - начале нулевых годов нынешнего столетия, когда Всемирная Паутина позволила объединять компьютеры в Сети вне зависимости от их физического месторасположения. Иначе говоря, появление «дистанционных отношений» между работодателем и его работниками, которые являются частью процесса децентрализации трудовой деятельности во времени и пространстве, ведет к формированию гибкого, виртуального рынка труда. В зависимости от структуры и схемы управления технологическим процессом можно утверждать, что «работа на расстоянии» является продуктом естественного развития постфордской модели рабочего процесса, когда упрощение процессов компьютеризации (например, передача административных и управленческих функций, а также функций планирования) позволило вытеснить постоянный штат временным, либо полностью переместить функциональные обязанности оплачиваемых работников в руки посредников в лице консалтинговых или частных Агентств занятости [9].

Безусловно, на первых порах тотального перехода в марте-апреле этого года на удаленный режим работы, у ряда Руководителей возникали оправданные опасения на предмет того, что уровень контроля за Сотрудниками, ввиду того, что физически они находятся за пределами территории предприятий и организаций, будет критически недостаточен. Но ответ на этот вопрос был дан, опять же, посредством движения рынка к развитию технологий «под» возникшую проблему. И Компании - высокотехнологичные IT структуры, предложившие наиболее стабильные программные решения, позволившие минимизировать неудобства работы в дистанционном режиме и максимально приблизиться к обстановке офиса, получили дополнительные импульсы для последующего развития. Помимо ранее зарекомендовавших себя на этом «поле» мировых игроков, таких как: Viber, Drop Box, Whats App, TeamViewer и т.д., к «высокотехнологичному блоку» смогли присоединиться и российские участники. Например, Компания «Крок» предложила работодателям следить за разговорами и компьютерами сотрудников на «удалёнке». Очевидно, что предложенное решение с высокой долей вероятности найдет своих потребителей и после отмены всех ограничений. Но наиболее показательна в этом смысле статистика китайской Компании Zoom: только 11 марта 2020 года 343 000 человек во всем мире скачали это приложение, а стоимость акций Компании возросла в 2 раза с начала пандемии!

Моделируя ситуацию перехода значительного количества сотрудников организаций на полностью (или частично) «удаленный» режим работы, можно утверждать, что в таком случае изменится и структура их потребностей. И, если экстраполировать эту ситуацию на «пирамиду потребностей Маслоу», то утверждение о снижении потребностей 1-ой и 2-ой ее

ступеней в пользу верхних (самореализация, гармония и т.д.) [4,8] предполагает получение дополнительных возможностей для развития индивидов. А это – прямой путь к повышению эффективности рабочей силы страны. При этом надо понимать, что не все бизнес-процессы могут быть адаптированы к удаленной работе, но и это еще не полный перечень стоп-факторов. Ключевая проблема эффективного перехода заключается в неготовности большей части рабочей силы работать в дистанционном формате, используя (даже в качестве рядовых пользователей) большинство дистанционных инструментов, таких как Zoom, Microsoft Teams, Skype и т.д. И на этом этапе возникает необходимость реализации еще одной, по утверждению автора - базовой доработки – системы и форматов образования.

Современное российское образование (в части экономической специфики) имеет ряд ключевых проблем, часть из которых можно сформулировать следующим образом:

- дублирование обучающих функций между традиционными учреждениями Высшей школы и «кэптивными» Университетами, когда последние вынуждены «дорабатывать» знания и компетенции выпускников ВУЗов «под» потребности конкретного работодателя. Формулировка «кэптивные Университеты», по мнению автора, раскрывается в следующем определении: специфические обучающие подразделения, созданные «материнской» Компанией для окончательной подготовки/переподготовки кадров «под» свои производственные нужды;

- высокая нагрузка ППС, сопровождающаяся дополнительными задачами в дополнение к научно-исследовательскому и педагогическому функционалу;

- все еще недостаточное государственное финансирование высшего образования: согласно недавно подготовленному отчету Счетной палаты по удельному весу затрат на науку в ВВП (составляет 1,1%) Россия ощутимо отстает от ведущих стран мира, занимая 34 место в мировом рейтинге. Лидеры в этой части: Израиль (4,25%), Республика Корея (4,24%), Швейцария (3,37%), Швеция (3,25%) и Тайвань (3,16%). Что касается мировых лидеров - США и Китая, то по доле данных затрат в ВВП они занимают соответственно 11 и 15 места (2,74% и 2,12%). Частичное решение проблемы государственного финансирования образования лежит в плоскости реализации Национального проекта «Образование».

Перечисленные выше проблемы отражают лишь часть доработок, которые еще необходимо реализовать. Однако в плоскости поставленной в данной статье задачи, отдельное внимание необходимо уделить возможности адаптации системы высшего образования, в целом, к возможностям работы в режиме on-line (причем эта необходимость продиктована как переходом к новым стандартам образования, так и возможными новыми вызовами экономики, с которыми мы столкнулись в начале 2020 года). Надо понимать, что в данном случае речь не идет о полной трансформации высшего образования в виртуальную среду, но готовность к переходу в случае необходимости быть должна. И сразу возникает основная проблема преподавания в режиме онлайн: готовность (или во многих случаях – неготовность) ППС к донесению до слушателей знаний с тем же уровнем качества, к которому последние привыкли в режиме «преподаватель – группа – аудитория». И решение этой проблемы лежит в двух направлениях (или их органическом симбиозе):

- обучение новым стандартам дистанционного донесения материала тех преподавателей, для которых это представляет определенные сложности (решение этого вопроса имеет наибольшую актуальность для ППС небольших региональных ВУЗов с исторически устоявшимися подходами к образовательным процессам) [3,11];

- найм «технологичных и продвинутых» преподавателей, которые в дополнение к профильным теоретическим и практическим знаниям по дисциплине обладают навыками применения технологий, приложений и иных инструментов, использование которых является необходимым условием донесения материала в режиме онлайн [16].

Таким образом российское высшее образование, цель которого – «производство» готовой рабочей силы (причем формулировка «готовность» упоминается здесь в контексте того, что студент – выпускник должен быть готов приступить к работе в Компании-работодателе без его дополнительного адаптирования силами «кэптивного» Университета) должно достигнуть того уровня развития, при котором возможность его трансформации между режимами онлайн и оффлайн не будет сдерживаться никакими «стоп-факторами». Но и это еще не все. Ориентиры, к которым движется современное общество и современная экономика, должны иметь зеркальное отражение в учебных программах, форматах, процедурах и т.д. Более того, темпы и динамика корректировки образовательных процессов должны опережать изменения в бизнес-процессах реального сектора экономики, которые диктуются технологическими и иными новациями [12]. Иначе говоря, связка «образование – реальный сектор экономики» должна работать в режиме слаженной и завершенной экосистемы. В противном случае описанные выше компании (отрасли) – драйверы (а также существующие и потенциальные инвестиции в них) не смогут оправдывать возложенные на них ожидания – ведь без их «подпитки» профильными и, главное, подготовленными Высшей школой кадрами, обеспечение ими инновационного и стабильного экономического роста остается под вопросом.

Заключение

1. Рассмотренные выше проблемы современного этапа развития российской экономики и пути их решения через развитие инноваций в их связке с системой высшего образования, могут быть разрешены только в условиях формирования слаженной экосистемы, в которой эффективность взаимодействия бизнеса и системы российского образования должна выйти на принципиально новый уровень, закладывая тем самым основы формирования «экономики полного цикла».

2. Очевидно, что существующие проблемы (как на стороне бизнеса, так и высшего образования) не могут быть преодолены моментально, но их разрешение неизбежно, поскольку диктуется объективной необходимостью сегодняшнего дня.

3. Насколько быстро удастся создать вышеупомянутую экосистему, зависит скорость прорыва российской экономики и как результат, ее вхождение в ТОП-5 ведущих экономик мира.

Литература:

1. Бондаренко Н.Е., Дубовик М.В. Финансово-правовые и инновационные аспекты инвестирования экономики региона, Сборник материалов международной научно-практической конференции. -М.: Издательство "Русайнс", 2020. - С. 65-70. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43095642>
2. Евсеев В.О. Новая модель общественного развития // ЦИТИСЭ. - 2016. - № 3 (7). - С. 4. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26398845>
3. Евсеев В.О. Развитие потенциала человеческих ресурсов в России // Вестник университета. - 2007. - № 3 (21). - С. 155-167. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13333519>
4. Евсеев В.О. Семантическая модель оценки уровня национальной самоидентификации // ЦИТИСЭ. - 2015. - №1 (1). - С. 8. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23614633>
5. Скрыль Т.В. Факторы развития информационного сектора экономики, как элемента глобальной информационной инфраструктуры // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2009. - № 6 (74). - С. 9-17. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13056634>

6. Скрыль Т.В. Взаимосвязь модернизации и проблемы темпов экономического роста в России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2013. - № 6 (122). - С. 12-16. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19529599>
7. Скрыль Т.В. Эффект потерь в современной экономической системе. В сборнике: Современная экономика: концепции и модели инновационного развития. материалы VII Международной научно-практической конференции. -Москва: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2015 - С. 47-53. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23499162>
8. Батудаева Л.И. Становление новой экономики России в условиях глобализации: Монография/ Л.И Батудаева, Т.В. Скрыль, Л.Г. Чередниченко, и др.- М.: «РЭА им. Г. В. Плеханова», 2009.- 244 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19897685>
9. Федеральная служба статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://rosstat.gov.ru/> (Дата обращения: 01.09.2020)
10. Чередниченко О.В. Оптимум подготовки кадров: высшая школа vs. кэптивные университеты // ЦИТИСЭ. - 2019. - №4(21). - С. 204-214. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41385121>
11. Чередниченко О.В. Российский рынок труда и потенциал его развития // Инновации и инвестиции. - 2019. - №1.- с. 273-276. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41385121>
12. Шваб К. Четвертая промышленная революция. -М: Изд. «Эксмо», 2016. - 138 р. ISBN 978-5-699-90556-0
13. Osipov V.S., Skryl T.V., Nevskaya N.A., Shavina E.V. The Territories Of The Priority Development: Genesis Of The Institutes // International Business Management. - 2016. - Т.10, № 9. - С. 1649-1657. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26268616>
14. Worldwide sales [электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.statista.com/statistics/801972/global-retail-sales-forecast-for-electric-scooters-and-bicycles/> (Дата обращения: 01.09.2020)
15. Чередниченко О.В. XXI век: новая реальность социально-экономического развития мира и России: Монография/Н.Р. Амирова, В.О.Арбачаускас, О.В.Чередниченко и др. - Москва-Тамбов: «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», 2018. - 450 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35444301>

References:

1. Bondarenko N.E., Dubovik M. V. *Financial, legal and innovative aspects of investment in the region's economy*. Moscow, Rusains Publ., 2020, pp. 65-70. (In Russian) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43095642>
2. Evseev V. O. New model of social development. *CITISE*, 2016, no. 3 (7), pp. 4, (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26398845>
3. Evseev V. O. Development of human resources potential in Russia. *Bulletin of the University*, 2007, no. 3 (21), pp. 155-167. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13333519>
4. Evseev V. O. Semantic model for assessing the level of national self-identification. *CITISE*, 2015, no. 1 (1), pp. 8. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23614633>
5. Skryl T. V. Factors of development of the information sector of the economy as an element of the global information infrastructure. *Bulletin of Tambov University. Series: Humanitarian Sciences*, 2009, no. 6 (74), pp. 9-17. (In Russian) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13056634>

6. Skryl T. V. Interrelation of modernization and problems of economic growth rates in Russia. *Bulletin of Tambov University. Series: Humanitarian Sciences*, 2013, no. 6 (122), pp. 12-16. (In Russian) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19529599>
7. Skryl T. V. *Effect of losses in the modern economic system*. Moscow, Russian Economic University named after G.V. Plekhanov Publ., 2015, pp. 47-53. (In Russian) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23499162>
8. Skryl T.V., Batudaeva L.I. *Formation of the new Russian economy in the context of globalization*. Monograph. Russian University of Economics. G.V. Plekhanov Publ., 2009, 244 p. (In Russian) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19897685>
9. *Federal statistics service*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/> (Accessed 1 September 2020)
10. Cherednichenko O. V. Optimum of personnel training: higher school vs. captive universities. *CITISE*, 2019, no. 4 (21), pp. 204-214. (In Russian) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41385121>
11. Cherednichenko O. V. Russian labor market and its development potential *Innovation and investment*, 2019, no. 1, pp. 273-276. (In Russian) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41385121>
12. Schwab K. *The fourth industrial revolution*. Moscow, Eksmo Publ., 2016, - 138 p. (In Russian) ISBN 978-5-699-90556-0
13. Osipov V. S., Skryl T. V., Nevskaya N. A., Shavina E. V. The Territories Of the Priority Development: Genesis Of The Institutes. *International Business Management*, 2016, vol. 10, no. 9, pp. 1649-1657. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26268616>
14. *Worldwide sales*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/801972/global-retail-sales-forecast-for-electric-scooters-and-bicycles/> (Accessed 1 September 2020)
15. Cherednichenko O.V., Amirova N.R., Arbachauskas V.O. XXI century: new reality of socio-economic development of the world and Russia. Moscow, Tambov, Russian University of Economics. G.V. Plekhanov Publ., 2018, 450 p. (In Russian) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35444301>

Submitted: 9 August 2020

Accepted: 10 September 2020

Published: 12 September 2020